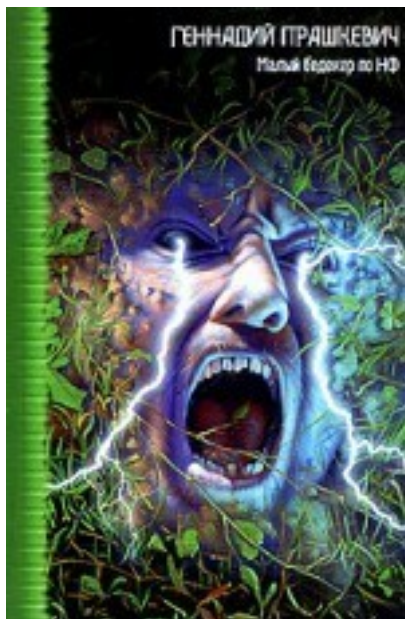

ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ

Малый бедокур по НФ

Геннадий Мартович Прашкевич Малый бедкер по НФ, или Книга о многих превосходных вещах

текст предоставлен автором

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134882

*Малый бедкер по НФ, или Книга о многих превосходных вещах: АСТ,
АСТ Москва, Транзиткнига; 2006
ISBN 5-17-035132-1, 5-9713-1502-1, 5-9578-3526-9*

Аннотация

Геннадий Прашкевич. Человек большого и многогранного таланта, известный и как поэт, и как переводчик, и как автор детективной, приключенческой и научно-популярной прозы, но прежде всего – один из ведущих мастеров отечественной фантастики. В этот сборник вошли новые произведения Геннадия Прашкевича, относящиеся к совершенно разным направлениям фантастики. Ироничная, остросюжетная «Земля навылет», жесткая, сильная «Дыша духами и туманами», тонко-пародийный «Золотой миллиард» и ироничный, забавный «Малый бедкер по НФ»!

Содержание

Часть I. КНИГИ	4
1	4
2	7
3	10
4	12
5	14
6	18
7	23
Часть II. ЛЮДИ	26
ИВАН АНТОНОВИЧ	26
1	26
2	29
3	34
4	36
5	40
6	44
7	46
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Геннадий Прашкевич МАЛЫЙ БЕДЕКЕР ПО НФ, или Книга о многих превосходных вещах

Часть I. КНИГИ

1

Первой книгой, которую я прочел от корки до корки, была «Цыганочка» Сервантеса («*Academia*», 1934). Не «Коза-дереза», не «Конек-горбунок», не «Маша и три медведя», весь этот доисторический извращенный модернизм, а настоящая толстая солидная книга. Мне только что стукнуло четыре года, «Цыганочке» шло далеко не первое столетие. Разница должна была сказаться.

Она и сказалась.

К тому времени я уже знал, как читают взрослые.

Нацепляют на нос очки, шевелят губами, перелистывают страницы.

Весь мир, считал я, вечерами надевает очки и при колеб-

лющемся неровном свете читает «Цыганочку» Сервантеса. Когда зажигали керосиновую лампу (электричества в селе Абалаково еще не было), я тоже шевелил губами и важно перелистывал страницы. Буквы я уже знал и умел складывать слова, но в этой книге слова во что-то осмысленное не складывались. Не сразу, но до меня дошло: кайф настоящего чтения как раз в том, что в книге (если это *настоящая* книга) в принципе нельзя понять ни слова!

Конечно, я сомневался.

Я даже подумал, что дело в отсутствии очков.

Но все же самостоятельно допёр, что так и должно быть: *настоящая* книга ничего не дает. Она не показывает и не рассказывает. Она пишется для того, чтобы насладиться непознаваемым. Так что, в течение нескольких дней я упорно преодолевал «Цыганочку». Страница за страницей. Ее абсолютная непонятность казалась мне волшебным проломом в какой-то другой, в таинственный мир. Помните монаха, просунувшего голову в пролом небесного свода? Такая картинка часто встречалась в старых учебниках географии.

Я был тогда совсем как этот монах.

А до кондиции меня довел сосед дед Филипп.

К девяноста годам жизни он до всего дошел сам, осмеливался давать советы самому Господу, например, указывал, кого в деревне Абалаково следует поразить молнией в первую очередь. К счастью, Господь в те годы был занят расхлебыванием результатов Второй мировой войны и на деда

не обращал внимания.

Понятно, деда это злило.

Он, как Робинзон Крузо, выцарапывал на стене дворового сарая каждый прожитый им день. Он прекрасно понимал, что все в этом мире преходяще и смотрел на меня, как на любимого ученика, который, может, в будущем тоже не побоялся подергать Большого старика за бороду. Мои сверстники изучали мир по глобусу, а я, благодаря деду Филиппу, втайне был убежден, что земля плоская. Дед Филипп когда-то служил на флоте. В Тихом океане он видел одного из тех трех китов, на которых стоит мир. Он откровенно рассказывал, что кожа на китах шелушилась, им хотелось чесаться. Еще дед участвовал в Цусимском сражении и сдался японцам вместе с адмиралом Рожественским. То есть, он прожил большую поучительную жизнь.

Постоянные беседы с Дедом утвердили мою веру в неизменность мира.

Дед Филипп и Сервантес – вот мои первые учителя.

После «Цыганочки» я прочел еще несколько настоящих книг, среди них «Вопросы ленинизма» и «Переяславскую раду».

Теперь я был умный и не искал в книгах смысла.

Если мелькало подозрительно понятное слово, я знал, что это всего лишь недоработка. Известно ведь, что отсутствие судимости не наша заслуга, это всего лишь недоработка системы. Когда мой кореш Герка Ефремов, заикаясь, предложил на выбор любую из двух найденных им у отца книг, я не раздумывая взял верхнюю.

Не имело значения, какую берешь.

Если книга настоящая, она непонятна.

Герке достался «Железный поток» А. Серафимовича, а мне «Затерянный мир» Артура Конан-Дойла. Открыв книгу дома, я с радостью убедился в присутствии сладких и совершенно непонятных слов: *биметаллизм... рупия... масонство... телегония... брахицефал...* Пожалуй, только *парте-ногенезис* смутно напоминал знакомое *партайнгеноссе...* Не забываете, война только что кончилась.

И вдруг – «...приземистая фигура появилась в освещенном квадрате двери.»

Я как бы увидел квадратного бородатого человека. Увидел совершенно явственно. Увидел в освещенном квадрате

стены.

Этого не должно было быть, но я увидел.

«...Грянул выстрел, мы услышали пронзительный вопль и через секунду – глухой стук упавшего тела.»

Я ничего не мог понять.

Передо мною открылось новое окно в мир.

«...Повыше, каждый на своем камне, восседали огромные серые самцы, похожие на иссохшие чучела». Ну, точно, увидел я. Совсем как директор нашей школы – злобное иссохшее существо, которое и самцом уже не назовешь! До меня вдруг дошла страсть репортера Мелоуна. Я осознал неистовство профессора Челленджера. И занудство профессора Саммерли тоже не показалось мне отвратительным.

Ну, а что касается лорда Джона Рокстона...

«Лорд Джон Рокстон вынул из кармана небольшую коробочку из-под пилуль и показал нам великолепно играющий бриллиант, равного которому по красоте я, пожалуй, никогда не видел.»

– Вот результаты моих трудов, – сказал он. – Ювелир оценил эту кучку самое меньшее в двести тысяч фунтов. Разумеется, мы поделимся поровну. Ни на что другое я не соглашусь. Ну, Челленджер, что вы сделаете на свои пятьдесят тысяч?

– Если вы действительно настаиваете на своем великодушном решении, – сказал профессор, – то я потрачу все деньги на оборудование частного музея, о чем давно мечтаю.

— А вы, Саммерли?

— Я брошу преподавание и посвящу все свое время окончательной классификации моего собрания ископаемых мелового периода.

— А я, — сказал лорд Джон Рокстон, — истрачу всю свою долю на снаряжение экспедиции и погляжу еще разок на любезное нашему сердцу плато. Что же касается вас, юноша, то вам деньги тоже нужны — ведь вы женитесь.

— Да нет, пока не собираюсь, — отвечал я со скорбной улыбкой. — Пожалуй, если вы не возражаете, я присоединюсь к вам.

Лорд Рокстон посмотрел на меня и молча протянул свою крепкую, загорелую руку.»

Я бы тоже так сделал.

Я не собирался жениться, но я бы тоже так сделал.

Если бы эта английская сучка Глэдис представила мне (как результат выбора) серого невзрачного человечка (жениха), я бы тоже «отвечал со скорбной улыбкой». И бриллианты потратил бы на приведение в порядок своих коллекций. В коробках из-под спичек у меня лежали засохшие жуки, лоскуток засушенной лягушачьей кожи и несколько очковых стекол, их которых я собирался строить мощный телескоп.

Но главное, до меня дошло, что мир достаточно легко переворачивается.

С полной непознаваемости на полную познаваемость, скажем так. И обратно.

На станции Тайга, куда в начале пятидесятых переехали мои родители, мир не стал менее интересным.

Большая Медведица волшебнo лежала над низким горизонтом, весело покрикивали на путях маневровые паровозы. Один за другим тянулись чудовищной длины составы с востока на запад и с запада на восток. Хлюпающих носами, простуженных, драчливых, нас выгоняли на перрон в пионерских галстуках и в пилотках. Маршал Ворошилов, первый красный офицер, возвращаясь из Монголии в Москву, хотел приветствовать нас. Так нам обещали. Мы здорово волновались, но маршал из вагона не вышел. Потом нас опять гнали на мокрый перрон. На этот раз ехал в Монголию из Москвы другой маршал – Чойболсан.

Этот тоже не вышел.

Его везли в Монголию хоронить.

Не вышли на перрон и знаменитые слоны Рави и Шаши, когда их депортировали из Индии в Москву.

Все равно встречи запомнились.

Я писал стихи, рисовал стенгазету, пел в школьном хоре. Однажды в исцарапанной школьной парте я нашел сложенную в четверть записочку. *«Ты будущий писатель и поэт»*. Почерк был девчоночий, округлый. Эти козы всегда облизывались на людей искусства. Да и немудрено. Людей тянет

к непознаваемому. Даже в дневнике А. С. Пушкина (1833, 17 декабря) я, например, нашел такое. *«В городе говорят о странном происшествии. В одном из домов, принадлежащих ведомству придворной конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать; дело пошло по начальству. Кн. В. Долгорукий снарядил следствие. Один из чиновников призвал попа, но во время молебна стулья и столы не хотели стоять смирно. Об этом идут разные толки. Н сказал, что мебель придворная и просится в Аничков.»*

В начале 50-х годов прошлого века воображение советских людей было занято двумя основными темами: Атлантидой и снежным человеком. Ну, понятно, сперва шла борьба за мир, а уж потом Атлантида и сноумены. Академик Обручев и профессор Жиров непрерывно комментировали проблему, а академик Л. С. Берг даже прямо написал: *«Я поместил бы Атлантиду не в области между Малой Азией и Египтом, а в Эгейском море – на юг до Крита. Как известно, в настоящее время признают, что опускания, давшие начало Эгейскому морю, произошли, говоря геологически, совсем недавно, в четвертичное время, – быть может, уже на памяти человека.»* И далее: *«Платон рассказывает о войне между „греками“ (т. е. обитателями Балканского полуострова) и жителями Атлантиды. Эта война (допуская, что сведения о ней не есть плод фантазии) могла происходить только в том случае, если Атлантида находилась в непосредственной близости с Балканским полуостровом.»*

Балканы, Балканы. Кругом одни Балканы.

Понятно, я не мог пройти мимо таких актуальных тем. Тем более (я перешел в седьмой класс) в городской газете «Тайгинский рабочий» только что появился мой первый научно-фантастический рассказ «Остров туманов».

В известной библиографии Н. Мацуева после указания:

Поповский А. *Дружба. Повесть*. М. «Сов. пис.», 1935, указаны всего три рецензии: «Так называемый писатель Павловский», «Жив Курилка» и «Еще о так называемом писателе Поповском». Если бы на мой рассказ откликнулись критики, боюсь, тремя рецензиями дело бы не закончилось.

К счастью, критики не откликнулись, и я один за другим написал несколько научно-фантастических романов, актуальных, как я полагал: «Под игом Атлантиды», «Горная тайна» и «Contra mundum».

Единственное, что могу сказать в оправдание, что, как это ни странно, не в столь уж далеком будущем из указанных выше набросков вышли научно-фантастические повести «Разворованное чудо», «Мир, в котором я дома» и «Шпион в юрском периоде», что безусловно подтверждает любимый мною тезис о том, что человек полностью проживает всю свою будущую жизнь в период где-то с пяти до пятнадцати лет.

После этого уже ничего не происходит.

Ну, может, некоторый упадок.

«Первым из европейцев увидеть снежного человека по-счастливилось греческому путешественнику Тамбоци, – смело писал я в романе «Горная тайна». – Тамбоци увидел сноумена в районе пика Кобру, на высоте примерно в пять тысяч метров. Грека сильно поразила огромная согнутая тень, нагнувшаяся над хрупкой веточкой рододендрона, а потом быстрота, с какой слинял в сторону ледяных развалов испуганный сноумен. Никогда больше, – писал я с несколько преувеличенной озабоченностью, – грек не встречал сноумена.»

Шерпы, сообщал я будущим читателям, смелый и выносливый народ.

Они живут в горах. Среди них нет ни одного, кто не имел бы пары сильных, мускулистых ног и мощной спины, привыкшей к переноске тяжестей. *«Шерп Тарке, – писал я, – брел по гладкой, как зеркало, поверхности ледника Бирун. В одном месте – (очень похожем на заснеженный пустырь за ремонтирующимся рабочим клубом имени Ленина) – шерп наткнулся на большие следы босых ног.»* Если бы нашего соседа машиниста Петрова прогнать босиком по снежному пустырю, несомненно, след остался бы не менее крупный. Понятно, шерп насторожился. *«Его крепкие руки в любой момент готовы были сорвать с плеча тяжелое заряженное ружье, выхватить из-за пояса кривой тяжелый нож кукри*

или схватить тяжелую ледяную глыбу, множество которых валялось вокруг.»

Да и сам по себе шерп не был придурком. «Я, блин, го-блин, а ты, блин, кто, блин?» Увидев следы, он рванул по-дальше от опасного места, тем более, что *«...бледное гималайское небо начинало уже темнеть, скрывая в клубящихся тающих облаках заснеженную вершину тяжелого Эвереста»*.

Но шерпу пошла непруха.

В узком ледяном ущелье он наткнулся на сноумена.

Скажу сразу, сноумен не был взят из головы, у него был реальный прототип в жизни. Я писал своего сноумена с некоего Паюзы – сопливого сволочонка годами двумя старше меня, с сапожным ножом за голенищем. Одежды на сноумене вообще не было (единственное отличие от Паюзы), зато морда в волосах, в синяках, зубов маловато.

И был он глух, как Бетховен.

Последняя находка меня неимоверно радовала, что-то такое я слышал по радио.

Понятно, что шерп в ужасе упал на колени. *«Врожденное суеверие и страх костром вспыхнули в его гордом сердце.»*

Фраза о врожденном суеверии казалась мне безупречной.

Снежные пики, курящиеся сухим снегом склоны, небесная голубизна, пропасти, разверзающиеся под ногами, – действительно сильная красивая вещь получалась. Вроде тех клеенчатых ковриков с лебедями и русалками в сатиновых

лифчиках, которые продавались на местном рынке. Сноумены (галуб-яваны, тхлох-мунги, йети), писал я, были вовсе не глупы, просто опустились из-за недоедания. Снежные Гималаи могли предложить им только голубоватую траву, про которую тогда много писал известный астроном Г. А. Тихов, а спуститься вниз, в теплые, обитаемые долины, напасть на питательных горных коз снежные люди не догадывались. А договориться с редкими путешественниками, вроде того грека Тамбоци, мешала им глухота.

Да и не люди они были, наносил я сюжетный удар будущим читателям.

Межпланетный корабль марсиан потерпел катастрофу на леднике Бирун и в живых остались только два члена экипажа. Один, изнуренный недоеданием, сразу сдался высокогорному пограничному наряду некоей азиатской страны, входящей в агрессивный военный блок СЕАТО.

Понятно, хорошо бедолаге не стало.

Взяли сноумена на болевой прием и приволокли в комендатуру, где он не выдержал допроса с пристрастием и умер. Зато второй попал в руки советских исследователей.

Теорему Пифагора, начертанную перед ним на снегу, изголодавшийся марсианин принял с таким же восхищением, как и добрый кусок свиного сала. А потом был торжественный прием в Кремле, отправка марсианина на родину, долгие пламенные речи, ну и все такое прочее.

Через много лет на литературном семинаре в Дубултах

фантаст Александр Иванович Шалимов, человек деликатный и воспитанный, действительно подтвердил, что в тридцатые годы, когда во многих районах Памира еще хозяйничали басмачи, к советским пограничным заставам иногда спускались с ледников хмурые галуб-яваны. Случалось, что они попадали в руки непреклонных чекистов. Ответить на резкие, в упор поставленные вопросы – кем подослан? на кого работаешь, падла? признаешь ли диктатуру пролетариата? – галуб-яваны, даже при некоторой их инстинктивной расположенности к новым властям, ответить не могли, потому что были глухи, как Бетховен. Ну, их и ставили к стенке. А Александр Иванович (тогда геолог) никак не успевал вовремя поспеть к месту происшествия. «Но однажды... – волнуясь, возвысил голос Александр Иванович. – Однажды... Неподалеку от нашего лагеря... Непреклонные ч-ч-чекисты... Схватили самку... Самку... Самку... – волнуясь повторял он. – Самку...»

Пришлось уважительно подсказать:

– ...басмача!

Мир был прекрасен.

Он был плоский, он был круглый.

По океану плавали шелушащиеся киты, на другой стороне шарика обитали антиподы. Постоянно хотелось есть, зато интересных книг хватало. Человек-невидимка упускал невидимую кошку, по Луне стреляли снарядами, начиненным людьми, по краю ойкумены бегало вонючее вымершее животное. А иногда и книжка такая прыгала с библиотечных полок.

Не без этого.

Популярный в те годы фантаст В. Немцов работал много и плодотворно.

Читая его книги, я невольно задумывался: зачем людям такая масса невыразительных слов, если существуют слова простые, сильные и выразительные?

Например, слово жопа.

Его вполне хватало для выражения самых сложных чувств, охватывающих человека в школьном коридоре или на катке, залитом на Четвертой улице.

Возвращаясь из школы, я с восхищением оглядывался на цепочку круглых белых облачков, остающихся за мною в неподвижном прокаленном сорокаградусным морозом воздухе. Ноги мерзли, хотелось жрать, как опустившемуся тх-

лох-мунгу, зато дома ожидала меня поразительная книжка Вильяма К. Грегори «Эволюция лица от рыбы до человека» (Биомедгиз, Москва, 1934). Она была написана так, будто В. Немцова на свете не существовало. С вклеенной под обложку таблицы смотрели на меня злобные глазки доисторической акулы, лукаво ухмылялся опоссум, похожий на провинциальную простушку, убереги ее Господь от писателей, близорукое лицо долгопята с острова Борнео тоже не блистало умом, зато привлекало придурковатостью. Наконец, нахмуренный шимпанзе, не самый близкий, но все же родственник тех несчастных красножопых гамадрилов, которых позже поставили к стенке грузинские боевики, ворвавшиеся в Сухумский заповедник.

Таблица, составленная Вильямом К. Грегори нарушила мои уже сложившиеся представления о жизни. До знакомства с монографией я считал, что в мире ничего особенного не происходит. Киты, поддерживающие плоскую землю, вечны. Глобус Кемеровской области в меру кругл. Настоящая книга бессмысленна.

Вот простые душевные истины.

Лестница жизни сбивала меня с толку.

Ископаемая акула, ганоидная рыба, эогиринус, сеймурия, иктидопсис, опоссум, лемур, шимпанзе, обезьяночеловек с острова Ява, наконец, римский атлет, триумфально завершающий эволюцию. Странно, странно. Лицо Паюзы, с которого я когда-то писал сноумена, не вписывалось в этот ряд. Паю-

за, как и я, жил после римского атлета, но по общему развитию стоял, скорее, между несимпатичным шимпанзе и обезьяночеловеком с острова Ява, уж точно не между римским атлетом и мной.

Холодные глаза, кустистые брови, сапожный нож за голенищем.

Отец Паюзы тянул срок в лагере под Тайшетом, кажется, за убийство, а может, за грабеж, это не имело значения. Все на Четвертой улице знали, что сам Паюза вскоре отправится к отцу. За убийство, а может, за грабеж. Это тоже не имело значения.

Однажды Паюза упал на катке.

Конечно, ему было больно, я совсем не вовремя рассмеялся.

Сразу тихо стало на шумном катке, залитом светом лампочки, распутившей на столбе пышный хвост Жар-птицы. Если раньше считалось, что Паюза просто кого-то убьет, то теперь все определилось:

Паюза убьет меня.

Конкретно.

Самые смелые даже подтянулись поближе, чтобы получше рассмотреть всю техническую сторону дела.

Но Паюза не торопился.

Он неловко поднялся с заснеженного льда.

Он сунул руку за голенище, но скорее потому, что рука замерзла.

Потом присел, вздохнул, медленно развязал ремешки самодельных коньков и молча, по-взрослому сутулясь, побрел домой. Наверное, он ударился сильнее, чем мы думали.

Я тоже, ни на кого не глядя, отмотал коньки и побрел домой.

Зима. Снег. Печальное очарование вещей. Разноцветные огни на железнодорожной линии. Запах деревянного и каменноугольного дыма.

Я понимал, что Паюза меня убьет.

Хотелось почитать что-то такое, не знаю что.

Дома, прижавшись спиной к горячему обогревателю печи, я дотянулся до книги, валявшейся на столе. Отец ремонтировал городскую библиотеку и часто приносил домой неожиданные сочинения. Это тоже выглядело неожиданным. «Происхождение видов». Мне в тот момент, конечно, интереснее было бы об исчезновении видов, но неизвестное мне сочинение выглядела добротно. За такой толстой добротной книгой, подумал я, можно отсидеться до самой весны, читать, не выходить на улицу. А к весне, с сумрачной надеждой думал я, Паюза может зарезать кого-то другого...

«Моему уму присуща какая-то роковая особенность, побуждающая меня всегда сначала предъявлять мое положение или изложение в неверной или неловкой фразе...» – прочел я, открыв «Происхождение видов».

Мысль настолько отвечала моменту, что мне захотелось увидеть автора столь совершенной формулировки.

Наверное, он похож на меня, решил я.

На пацана, смертельно боящегося сапожных ножей, спря-
танных за голенищами.

Наверное, автора «Происхождения видов» тоже здорово
напугали, решил я, раз он пришел к такой простой и спокой-
ной мысли.

И откинул крышку переплета.

Паюза!

Конечно, он постарел, конечно, он полысел, стоптался, но
это был Паюза, именно он, я не мог ошибиться! Не знаю,
правда, где он украл такую добротную куртку, когда успел
отрастить бороду, когда у него поседели брови, но это был
он, он, хотя под портретом стояло -

«Дарвин».

Паюза и Дарвин лишили меня иллюзий.

«Не во власти человека изменить существенные условия жизни; он не может изменить климат страны; он не прибавляет никаких новых элементов к почве. Но он может перенести животных или растений из одного климата в другой, с одной почвы на другую, он может дать им пищу, которой они не питались в своем естественном состоянии.»

Следуя этим ужасным законам, больше месяца я ходил не той дорогой, какой привык ходить, не появлялся на катке, прятался дома и обречено изучал Дарвина. За это время некие высшие силы действительно перенесли Паюзу с одной почвы на другую, дали ему пищу, которой он не питался в естественном состоянии. Паюза кого-то порезал и его отправили в исправительный лагерь под Тайшет. Отсидит, выйдет честный, несколько лицемерно сочувствовал я Паюзе. И со сладким ужасом черпал премудрость все из того же Дарвина.

«Так как все живущие формы связаны общей родословной с теми, которые жили задолго до кембрийской эпохи, то мы можем быть уверены, что общая смена поколений не была ни разу порвана и что никогда никакие катаклизмы не распространяли разрушения на весь мир. Отсюда мы можем быть спокойны за безопасное будущее на долгое время. А так как естественный отбор действует только в силу и

ради блага каждого существа, то все качества, телесные и умственные, будут стремиться к совершенству.»

Падал крупный медленный снег.

Красивая женщина в ужасном пальто шла по мокрому тротуару.

Выплеснул помои на улицу машинист Петров, босая нога которого оставляла крупный след в снегу. Пацаны бежали по узкой улочке, как пингвины. Я снова хотел жить. Естественный отбор гнал меня к совершенству. Выходила тогда серия «Научно-популярная библиотека солдата», к ней я и обратился.

«Происхождение жизни на Земле (естественным путем)».

Приставка – *естественным путем* – меня всегда восхищала.

Много позже мой друг геохимик и писатель Саша Лапидес (Янтер) рассказал, как однажды в МГУ после лекции он хотел подойти к престарелому академику А.И. Опарину, чтобы пожать ему руку, но как только академик перестал говорить, кафедру окружила толпа неопределенного вида и возраста девушек и женщин. Они здорово нервничали и переспрашивали друг друга: «Где шоколадка академика? Где шоколадка?» Янтера, понятно, бесцеремонно оттерли в сторону. Впрочем, он и сам в тот момент понял, что в столь преклонные годы разумнее не выслушивать глупые вопросы со стороны, а спокойно съесть вкусную шоколадку.

Или вот книжка профессора П. А. Баранова: «Происхож-

дение и развитие растительного мира».

«Осуществление великого сталинского плана борьбы с засухой, перемещение в более северные районы южных теплолюбивых культур, освоение крайнего севера, пустынных и высокогорных зон и многое другое, приводящее к преобразованию лица земли на огромных территориях нашей Родины, с особой силой говорят о созидательной, творческой роли человека – строителя коммунистического общества – в дальнейшем развитии природы. – Вот предложения для настоящего диктанта. – В этом грандиозном деле преобразования природы выдающаяся роль принадлежит мичуринскому учению, поднятому на большую высоту и поддержанному великим корифеем науки И. В. Сталиным».

Наконец, от книг меня потянуло к людям.

Часть II. ЛЮДИ

ИВАН АНТОНОВИЧ

1

«Москва, 23. 04. 57

Уважаемые юные палеонтологи!

Вы, наверное, судя по письму, молодцы, но вы задали мне нелегкую задачу. Популярной литературы по палеонтологии нет. По большей части – это изданные давно и ставшие библиографической редкостью книги. Кое-что из того, что мне кажется самым важным – Вальтера, Ланкестера, Штернберга и др. наверное удастся достать, и я дал уже заказ, но это будет не слишком скоро – ждите. Свою последнюю книгу о раскопках в Монголии я послал вам. Извините, что там будет срезан угол заглавного листа – она была уже надписана в другой адрес. Для вас я имею в виду пока популярные книги, но не специальные. Надо, чтобы вы научились видеть ту гигантскую перспективу времени, которая собственно и составляет силу и величие палеонтологии. Если вы ее поймете и прочувствуете, то тогда найдете в себе достаточно целеустремленности и сил, что-

бы преодолеть трудный и неблагодарный процесс получения специальности палеонтолога. Никаких специальных институтов, где готовят палеонтологов, не имеется. В палеонтологии существует два отчетливых направления. Одно, наиболее распространенное и практически самое нужное, — это палеонтология беспозвоночных животных, связанная с геологической стратиграфией. Подготовка палеонтологов этого рода ведется на геологических факультетах некоторых университетов — Московского, Ленинградского, Львовского, Томского и др. Другое направление, наиболее трудное, но и наиболее интересное и глубокое теоретически, — это палеонтология позвоночных, на которую идут люди только с серьезной биологической подготовкой. Это, собственно, палеозоология позвоночных, и для успешной работы в ней надо окончить биологический факультет по специальности зоология позвоночных со сравнительно-анатомическим уклоном (иначе — морфологическим). Это все так, но диплом дипломом, а вообще-то можно преуспеть в науке и с любым дипломом, лишь бы была голова на плечах, а не пивной горшок, да еще хорошая работоспособность. Почитайте подготовительную популярную литературу — тогда можно будет взяться и за книги посерьезнее. А так — ваши товарищи правы — для человека невежественного скучнее палеонтологии ничего быть не может, — всякие подходы к широким горизонтам в ней заграждены изучением костей и ракушек. Впрочем, и подходы к физике тоже заграждены

труднейшей математикой. Везде так – нужен труд – в науке это самое основное.

Что вы собираетесь делать летом? Наш музей мог бы дать вам одно поручение – посмотреть, как обстоят дела с местонахождением небольших динозавров с попугайными клювами – пситтакозавров, которое мы собирались изучать в 1953 году, но оно было затоплено высоким половодьем. Это в девяноста километрах от Мариинска, который в 150 км по железной дороге от Тайги. Если есть возможность попасть туда и посмотреть – срочно напишите моему помощнику Анатолию Константиновичу Рождественскому (по адресу Москва, В-71, б. Калужская, 16, Палеонтологический Музей Академии наук СССР) о том, что вы могли бы посетить местонахождение. Он напишет вам подробные инструкции и советы что надо делать. Вообще вам надо связаться с нашим музеем – там есть хорошие молодые ученые, у них времени немного больше, чем у нас, старшего поколения, и пользоваться их советами и поддержкой.

Мне тоже можно писать по этому же адресу.

Желаю вам всем всякого успеха и удачи. Иметь определенный интерес в жизни – это уже большое дело. Рассказы писать, по-моему, еще рано (для тов. Геннадия). Правда, может быть, особая гениальность... Все возможно.

С искренним уважением – И. Ефремов»

Шла по тротуару красивая женщина в ужасном пальто. Машинист Петров выплеснул на улицу помои. Пацаны возились на откосе железнодорожной насыпи. Все как всегда и все же мир в очередной раз изменился, потому что откуда-то из необозримой дальности, из невероятной дали, чуть не от антиподов пришло письмо, подписанное палеонтологом и писателем Ефремовым.

Никакого кружка трех палеонтологов не существовало. Нужна была массовка, вот я и подписал – кружок трех палеонтологов. А отказаться от экспедиции за пситтакозаврами, естественно, мог только больной человек.

Меня ничуть не уколол намек на мою особую гениальность.

Почему бы и нет? «Особая гениальность...» Надо лишь немножко сместить акценты...

«25 мая 1957 г., Москва.

Дорогие друзья! – писал палеонтолог Анатолий Константинович Рождественский. – Ваше письмо получил дней 10 назад, но ответить сразу не смог, так как, во-первых, оно требует весьма обстоятельного ответа и, во-вторых, у меня сейчас наиболее занятое время – я организую экспедицию в Казахстан. Я всячески приветствую Ваш энтузиазм

и желание помочь науке, но вот только какими средствами Вы располагаете, чтобы организовать такую поездку? Ведь, помимо дорожных расходов, Вы должны чем-то питаться, где-то ночевать.

Но начнем все по порядку.

До Мариинска вы легко доедете по железной дороге – это наиболее простая часть вашего путешествия. Далее от Мариинска до деревни Шестаково нужно добираться на машине – расстояние 80 км. Машину нужно ловить у паромной переправы через р. Кию, на которой стоит Мариинск и вверх по которой Вы должны ехать. По приезде в Шестаково разыщите Комишина Егора Андреевича или Комишину Марию Ивановну – я у них останавливался в 1954 г. Возможно, они согласятся Вас приютить – у них большой дом и двор с постройками, есть где переночевать. Расскажите им про цель Вашего путешествия. Кстати, от них вы можете узнать и что-нибудь новое. От их дома до Шестаковского яра, где были найдены кости, – недалеко, не более километра. Вряд ли у Вас будут лишние деньги, чтобы платить за свой постой, но Вы можете договориться с хозяевами, что поможете и по хозяйству – перепилить и переколоть дрова, скажем, или еще что-нибудь в этом роде.

Относительно питания я советую Вам поступить так.

Насушите с собой побольше черных сухарей, возьмите несколько пачек чаю и сахару, обязательно соль и спички. Возьмите также некоторое количество круп, из которых

можно варить кашу и пускать в суп. Километрах в семи от Шестаково имеются два озера – Большой и Малый Базыр, изобилующих карасями, которые хорошо ловятся на удочку, особенно в вечернюю зорю. Ловить нужно в восточном из этих озер, но с его западной стороны. Между озерами с километр перемычка из торфяника, заросшего кустарником. В дождливую погоду эта перемычка становится мягкой и ходить по ней нужно осторожно, чтобы не провалиться в трясицу. Карась хорошо ловится на червя, которого нужно копать у коровников. Лески нужно достать сатурновые. Крупные караси – по 0.5 кг и более – ловятся уже после вечерней зари часов до 12 ночи. Рыба может быть важным подспорьем в Вашем питании. Молоко Вы найдете в деревне, а если у Вас будут деньги еще и на масло, чтобы поджарить карасей, то будет совсем хорошо. Картошку тоже достанете в деревне. Что касается снаряжения, то, вероятно, Вам придется довольствоваться домашними возможностями, так как вряд ли Вы найдете необходимое экспедиционное снаряжение в Тайге, да к тому же это и стоит дорого. Если у Вас нет рюкзаков, возьмите простые вещевые мешки, приделав к ним ляжки по старому русскому способу: заложить в углы мешка по картофелине и захлестнуть веревкой. Вряд ли у Вас есть спальные мешки, но можно обойтись и без них – возьмите плотные шерстяные одеяла или легкие ватные. В качестве верхней одежды лучше всего ватники, если есть плащи, захватите и их – пригодят-

ся. На ноги хорошо грубые ботинки, а для рыбной ловли – резиновые сапоги, можно и то и другое заменить кожаными сапогами. К этому захватите или тапочки или сандалии, чтобы после похода давать ноге отдых. Возьмите по две смены запасного белья и мыла, чтобы стирать его. Из посуды Вам необходимо взять следующее: две алюминиевые кастрюли (большую и поменьше), чайник, сковородку, миски, ложки столовые и чайные, кухонный нож, кружки. Если есть, возьмите фляжки. Захватите небольшую аптечку, в которой должно быть: несколько бинтов, норсульфазол и белый стрептоцид (жаропонижающее), йод, пирамидон (от головной боли) и хинин (если кто из Вас подвержен малярии). Хорошо если достанете в аптеке диметилфталат – это прекрасное средство от комаров и мошки, они не кусаются, если слегка смазать лицо и руки. Из специального снаряжения, если есть, возьмите небольшую кирку, компас, лупу, некоторое количество технической ваты и газет (для упаковки костей), рулетку или складной метр. Лопаты достанете на месте, а вот топорик небольшой хорошо взять с собой. У каждого должна быть тетрадь-дневник и карандаши (простые, химические и цветные). К каждому образцу нужно приложить этикетку, которая заворачивается внутрь. В ней указывается место взятия образца (географическое положение – например, правый берег р. Киш, в 1 км ниже д. Шестаково Кемеровской области), слой, из которого взят образец, дата и фамилия, кто взял образец.

Кости пситтакозавров небольшие (само животное было 1–1.5 метра), плотные, красноватого цвета (кости имеют цвет окружающей породы), залегают близ уреза воды. В тот год, когда я был, весна была очень поздней, и вода стояла выше костеносного горизонта. Найдены кости пситткозавров только в Шестаковском яре около д. Шестаково. Более подробные сведения Вы найдете в моей статье, которую я Вам посылаю. Карту Кемеровской области в Москве сейчас достать невозможно, и у меня ее нет у самого, поэтому придется довольствоваться копией. Более подробные карты не продаются.

На этом я заканчиваю свое письмо, желаю Вам успехов. Если найдете кости, сообщайте – приедем помогать. До 5-го июня я пробуду в Москве, а после этого мой адрес: г. Челкар Актюбинской области Казахской ССР. Если найдете скелет, то немедленно телеграфируйте, сами не берите, так как его лучше брать вместе с породой – монолитом, а у Вас в этом нет опыта, и Вы можете погубить ценную находку. Кости, выпавшие на поверхность, берите и упаковывайте в пакеты с ватой. Зафиксируйте уровень костеносного горизонта от уреза воды и от вершины обрыва. Если будет высокая вода, будьте осторожны под Шестаковским яром, так как приходится ходить близ отвесных стен, которые постоянно обрушиваются.

Еще раз желаю удачи...»

«Уважаемый Геннадий со товарищи! – писал Иван Антонович в июле 1957 года.

Меня очень заинтересовало ваше письмо. Если вы действительно нашли там черепа пситтакозавров, а не что-нибудь другое, то вы все молодцы и вашу работу мы осенью отметим, когда съедутся мои сотрудники. Чтобы судить об этом, упакуйте ваши сборы в большой и крепкий ящик. Если они тяжёлые, то лучше положить в один ящик и отправить его по железной дороге пассажирской или большой скоростью по адресу: Москва, В-71, Большая Калужская, 33, Палеонтологический институт Академии наук СССР. Если же вес не очень велик, то упакуйте в два-три небольших ящика весом по 8-10 кг, и пошлите почтой по тому же адресу. На все эти операции я переведу вам триста рублей, как только получу телеграмму в ответ на посланную вчера. Рождественский забрался далеко в южный Казахстан и вернется в Москву к середине сентября или к концу. Поэтому я пока замещаю его по переписке с вами. Однако торопитесь мне ответить, если еще что-нибудь нужно, так как я уезжаю после 20-го на отдых.

Упаковку производите так: каждый обломок должен быть завернут в отдельный кусок мягкой бумаги – газету – и затем все обломки, относящиеся к одной части, сов-

местно в один большой пакет. Все тяжелые и большие куски должны быть помимо бумаги обернуты в вату (купите в аптеке) и переложены ватой, клеёй или по крайности мхом, сухой и мягкой травой так, чтобы не касались друг друга, чтобы не тереться и не биться о стенки ящика или его дно. Постарайтесь отправить как можно скорее, так как идет долго – пока там мы получим коллекцию, особенно если по железной дороге. Можно вместе с костями отправить кремни и черепки – по-видимому, в верхних горизонтах обрыва вы нашли остатки палеолитической или неолитической стоянки. Мы передадим их для определения в Институт материальной культуры – они установят ценность находки. В прилагаемой этикетке дайте чертеж обрыва и высоту залегания всех находок от уреза воды реки и от бровки (верхней) обрыва и схему геологического разреза. Оставшиеся от упаковки и отправки коллекций деньги можете употребить на покупку нужных вам научных книг, фотопринадлежностей, карт и т. п. – что там вам понадобится. Одновременно с этим письмом я пошлю вам хороший атлас реконструкции жизни животных в разные геологические эпохи. Он на чешском языке, но смысл его – в отличных картинках. В общем мне экспедиция ваша нравится, и вы, по-видимому, – способные ребята. Ежели вас draith, по морскому выражению, не давать писать фантастических рассказов и вообще никаких пока, то толк будет.

С палеонтологическим приветом – И. А. Ефремов.»

Останков пситтакозавра мы, к сожалению, не нашли, но...

«Я ведь тоже проезжал зря, – писал мне А.К. Рождественский, – и тут ни ты, ни я ничего не могли сделать, потому что костеносный горизонт под водой. Потом, ведь и никем не доказано, что там динозавров целыми вязанками насыпано. Мог быть один скелет, который и нашли в 1953 году.»

4

«Многоуважаемый Геннадий! – писал Иван Антонович в январе 1958 года. – В этом году у нас будет большая экспедиция с палеонтологическими раскопками в бассейне р. Камы. Если бы Вы смогли принять в ней участие, то было бы очень полезно. Напишите начальнику этой экспедиции Чудинову Петру Константиновичу, что Вы хотели бы принять участие в экспедиции в качестве рабочего. Напишите ему, что Вы сможете приехать из Тайги за свой счет, а я пришлю Вам денег на дорогу. Сделать это надо не очень откладывая, чтобы иметь Вас в виду. Работы будут вестись с июня по август. Привет Вам и Вашим родителям.

И. Ефремов.»

Провинциальный пацан и человек, умудренный жизнью.

Я вчитывался в книги и пытался понять, как становятся Ефремовыми.

«...Еще не доезжая станции Шунгай, – писал Иван Антонович о своем путешествии в 1926 году в Прикаспий, – гора Богдо, несмотря на ее небольшую высоту, резко выступает на фоне ровной степи. Протягиваясь в форме подковы на полтора километра, вблизи она производит впечатление монументальности, в особенности ее центральная часть с чрезвычайно крутыми склонами. Конечно, в цепи, например, Кавказских гор гора Богдо потерялась бы незаметным холмиком, но здесь она стоит одиноко, окруженная, на сколько хватает глаз, плоской тарелкой степи...

Разбив всю гору на участки, я начал медленно продвигаться вдоль горы, исследуя каждый подозрительный обломок камня. Перебив и пересмотрев несметное количество известковых плит у подножья горы, я собрал несколько костей лабиринтодонтов и стал исследовать обломки известняков по склонам зигзагообразным путем, непрерывно поднимаясь и опускаясь. Обнажения пластов на склонах горы заматы натеchnой сверху глиной, усыпанной обломками известняка. Глина засохла плотной коркой, и, цепляясь за обломки известковых плит, можно подниматься по довольно крутым склонам почти до шестидесяти градусов. Держа в одной руке молоток, без которого охотник за ископаемыми не может ступить ни шагу, другой забиваешь кирку в склон горы и осторожно подтягиваешься выше. Конечно, иногда бывают неприятные минуты, когда ноги соскальзывают, кирка вырывается из рыхлого размытого склона,

и начинаешь сползать вниз сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Но, мгновенно снова забив кирку поглубже, останавливаешься и продолжаешь таким же способом прерванное продвижение вверх. Спускаться можно, вырубая ступеньки, или, в прочном костюме, можно медленно сползать, просто сидя и упираясь на пятки, притормаживая киркой или молотком. Обычно в процессе работы очень быстро привыкаешь проделывать все это автоматически, не отрывая взгляда от кусков известняка и непрерывно расколачивая плиты.

Лишь по самым крутым склонам мне приходилось взбираться с канатом.

Канат я закреплял за железный рельс, поставленный в качестве репера на самой вершине горы. Отклоняясь куда-нибудь в сторону, я забивал железный лом в склон горы и закидывал на него канат. Таким способом я мог делать значительные отклонения в ту или другую сторону, оставляя канат надежно привязанным за железный репер на вершине. Однажды я плохо забил лом; закинув за него канат, я начал спускаться. Вдруг лом вырвался из рыхлой натечной глины и я моментально полетел вниз. Падая, я крепко вцепился в канат, который, как только размотался до репера, резким толчком натянулся, ободрав мне кожу на руках, и я, качнувшись, как маятник, перелетел на другой склон, приняв отвесное положение относительно репера. Пожалуй, эта секунда была одной из самых неприятных в моей жизни. По

счастью, я не выпустил каната и потом легко взобрался на вершину, проклиная изобретенный мною способ...

Обследовав все осыпи по склонам, я заложил раскопки на одном из самых крутых выступов Богдо – юго-юго-восточном. Копаться посредине крутого склона горы было очень трудно. Тут нам большую помощь оказали сильные ветры, обдувавшие склон горы и обеспечивавшие большую устойчивость при балансировании на маленькой ступеньке с помощью кирки. (Позже, в превосходном рассказе «Белый рог» эта деталь была использована стопроцентно, – Г.П.) Впоследствии, когда на отвесном склоне горы образовалась большая площадка, работать стало гораздо легче. Пласт за пластом расчищали и выбирали мы из горы, то испытывая сильное разочарование, когда пласт оказывался пустым, то с полным удовлетворением достигнутой цели выбивали из него красивые завитки аммонитов и темные или светло-желтые кости лабиринтодонтов. Для определения нижних горизонтов горы приходилось спускаться в пещеры под красными буграми и ползать под землей по воронкам и пещерам гипсового поля на юг от Богдо. В одной из пещер, шедшей наклонно, я поскользнулся и, скатившись вниз, провалился в отвесный колодец, глубоко уходящий в бездонную черную темноту. По счастью, колодец был довольно узок, и я заклинился в нем до самых плеч, которые уже не могли пролезть в колодец. Я очутился в положении пробки в горлышке бутылки, и потребовалось немало труда, чтобы вы-

свободиться и, главное, снова влезть по наклонной гипсовой стенке, покрытой песком, принесенным водой...»

5

«Москва, 21. 03. 58.

Уважаемый Геннадий!

«Тафономию» нигде не сыщешь днем с огнем. Но среди старых оттисков я нашел так называемые «чистые листы», оставшиеся у меня от корректур «Тафономии». Здесь нет начала, т. е. фактического материала по местонахождениям, но зато все остальное – все закономерности и выводы – это все есть. Сохраните эту корректуру, и если она Вам не будет нужна, – пришлите обратно.

По заключениям Громова (предварительным, т. к. мало данных) Ваши находки – неолит, видимо, поздний, и останки мамонта не связаны непосредственно с этой стоянкой – видимо, они были в самом верху террасы. Но есть что-то интересное в отделке копья, и вообще Громов считает нужным посетить стоянку снова какими-нибудь местными специалистами, с которыми он договорится. В общем, эта находка ваша – полезное для науки дело. В экспедицию к Чудинову обязательно старайтесь попасть, так как Рождественский в этом году никуда не поедет или будет работать вместе с Чудиновым.

С приветом – И. Ефремов.»

К Чудинову на озеро Очер я попал.

Иван Антонович болел, приехать не смог, зато от него приходили книги – только что начавший переиздаваться А. Грин, «Ветры времени» Чэда Оливера, повести Хайнлайна и Гамильтона, Джим Корбетт, Джеймс Конрад. Может, это покажется странным, но гораздо сильнее, чем книги, меня тогда волновали раскопки. Кстати, именно там были найдены остатки дейноцефала, названного позже в честь Ивана Антоновича «*Ивантозавтрот меченосным*» – *Ivantosaurus ensifer*.

Широкоплечий сильный человек, грузный, чуть картавящий, ироничный.

В руках громадный клетчатый платок – жарко. Поглядывает с некоторым удивлением. В виде поощрения приглашенный в Москву, я жил прямо в Палеонтологическом музее.

Череп вымершего бизона с круглым пулевым отверстием.
«Кто на него охотился? – удивление. – Прочти „Звездные корабли“.

«Почему начал писать фантастику? – удивление. – Не устраивала система доказательств, которой оперируют ученые.»

У любого ученого, понял я, плох он или хорош, всегда скапливаются какие-то свои глубоко личные замыслы. Практического выхода они обычно не находят. Вот и получается: с одной стороны всяческие гипотезы, с другой – невоз-

возможность поддержать свою гипотезу строго научными доказательствами. Однажды, в тридцатые, объяснил Иван Антонович, он написал статью о способе добычи коренных пород со дна морского океана. Рукопись была отправлена в солидный немецкий журнал «Геологическое Рундschau». Рецензировал статью профессор Отто Пратше, крупнейший в те времена специалист по морской геологии. «Знает ли доктор Ефремов о том, что дно мирового океана покрыто мощным слоем рыхлых осадков?» – важно спрашивал он в рецензии. И сам отвечал с важностью: «Если и знает, идея, предложенная им, все равно вздорна!»

Иван Антонович разворачивал свой клетчатый парашют. «Я не стал спорить. Я написал фантастический рассказ. Он понравился читателям. А самое смешное: способ добычи коренных пород со дна мирового океана, описанный в рассказе, сейчас, в общем, дело будничное.»

Теплый августовский вечер, Большая Калужская, я крутил головой, пытаясь заглянуть в открытые окна волшебного кафе «Паланга». Красивые люди ели, пили, гнал прохладу огромный вентилятор под потолком. «Если стану таким, как Иван Антонович, – думал я. – Если стану когда-нибудь таким, как Иван Антонович, знаменитым, богатым, и буду гулять мимо такого красивого кафе с голодным пацаном, как я, непременно приглашу его.»

К сожалению, Иван Антонович не догадался.

Он неторопливо провел меня мимо кафе, расспрашивая,

а что там приключилось в несчастной семье Карениных? – иногда он задавал и такие вопросы. Я рассеянно отвечал, что, дескать, все обошлось, вот только последняя часть там лишняя, ни к чему. Мне тогда в голову не могло придти, что через много лет именно эта часть будет мне нравиться больше всего остального текста. И уж, конечно, не приходило в голову, что однажды, вернувшись из Берлина, я случайно выйду к кафе «Паланга» и загляну в него. Дешевая деревянная отделка, пошловатые люстры, неистребимый запах подгоревшего жира.

И ведь это тогда (к слову о богатстве) Иван Антонович жаловался своему другу литературоведу В.И. Дмитриевскому: «...*На опыте «Лезвия»* (роман «Лезвие бритвы», – *Г.П.*) пришел к заключению, что писательство в нашей стране – дело, выгодное лишь для халтурищиков или заказников. Посудите сами – я ведь писатель, можно сказать, удачливый и коммерчески «бестселлер», а что получается. «Лезвие» писал с середины 1959 года, т. е. до выхода книги пройдет без малого пять с половиной лет. Если считать, что до выхода следующей мало-мальски «листажной» повести или романа пройдет минимум два года, ну, в самом лучшем случае – полтора, то получается семь лет, на которые растягивается финансовая поддержка от «Лезвия». Если все будет удачно, то «Лезвие» получит тройной гонорар (журнал + два издания). За вычетами, примерно по 8500, т. е. в итоге – 25 тысяч. Разделите на семь лет, получите около 300

рублей в месяц. Потому если не будет в ближайшее же время крупного переиздания, то мой заработок писателя (не по величине, а по спросу и издаваемости) первого класса оказывается меньше моей докторской зарплаты – 400 р. в мес., не говоря уже о зав. лабораторной должности – 500 р. Каково же меньше пишущим и менее удачливым или издаваемым – просто жутко подумать...»

6

«Абрамцево (под Москвой), 20. 10. 59.

Глубокоуважаемый Геннадий! Прочитал Ваше письмо с удовольствием.

Мне кажется, что Ваша жизнь, хоть и скудная материально, но правильная – такая и должна быть у людей, по-настоящему интересующихся наукой. Все же университет должен быть неизменной целью, хотя бы для права заниматься наукой и идти по любимой специальности. Черт бы взял нашу бедность с жильем – надо бы взять Вас в лаборанты к нам в Институт – самое верное и самое правильное, но без прописки в Москве принять Вас нельзя, а прописаться без работы – тоже не выйдет. Вот и принимаем в лаборанты всякий хлам только потому, что живет в Москве – глубоко неправильный подход к комплектованию научными кадрами. В том и смысл Академии, что она должна брать к себе все настоящее из всей страны, а не случайных маменькиных сынков...

Я все еще на временной инвалидности, живу под Москвой и вернусь к работе в Институте только в марте будущего года. Тогда подумаю над книгами. На чём Вам заниматься – очень больной вопрос – у нас нет ни популярных работ, ни хороших учебников – все еще только в проекте. Как у Вас с языками? Надо знать минимум английский язык, чтобы прочитать ряд хороших работ по палеонтологии позвоночных, морфологии (функциональной) и сравнительной анатомии. Следите за работами академика Шмальгаузена – он написал в последнее время ряд интересных работ по происхождению наземных позвоночных. Если Вы владеете языком – составлю Вам список книг, которые можно будет получить по межбиблиотечному абонементу в Томске (а может быть таковой возможен у Вас в Тайге?)...

Теперь коротко о Вашем вопросе – подробно писать не могу – переписка у меня выросла так, что совершенно меня задавила – и не отвечать нельзя и отвечать невозможно, секретаря мне по чину не положено. Так вот, на человека теперь, в его цивилизованной жизни не действуют никакие силы отбора, полового отбора, приспособления и т. п. Накопленная энергия вида растрачивается, потому что нет полового подбора и вообще человек не эволюционирует, во всяком случае так, как животные. Да и общий ход эволюции животного и растительного мира из-за столкновения с человеком сейчас совершенно исказился и продолжает еще сильнее изменяться под воздействием человека...

А вы выписали наш «палеонтологический журнал»?

С приветом и уважением – И. Ефремов.

P.S. Если понадобится проехать от Вас в экспедицию или за литературой – рассчитывайте на финансовую поддержку. Рублей 500 всегда смогу выделить.»

7

«Что может быть общего между автором бессмертного «Робинзона Крузо» англичанином Даниэлем Дефо и великим русским фантастом Иваном Ефремовым?» – задалась вопросом популярная газета «Аргументы и факты» в начале перестройки.

И сама ответила:

«Первый создал английскую разведку, а второй, возможно, был ее сотрудником.

Как нам стало известно из компетентных источников, в 70-е гг. в стенах КГБ проводилась тщательная проработка версии о возможной причастности И.А. Ефремова к нелегальной резидентатуре английской разведки в СССР. И что самое удивительное, окончательная точка так и не была поставлена – действительно ли великий фантаст и ученый Иван Ефремов – Майкл Э. – сын английского лесопромышленника, жившего до 1917 года в России? Основанием для многолетней работы по проверке шпионской версии послужила внезапная смерть Ивана Ефремова через час после по-

лучения странного письма из-за границы. Были основания предполагать, что письмо было обработано специальными средствами, под воздействием которых наступает смертельный исход...»

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

В городской библиотеке города Тайги я случайно наткнулся на тоненькую книжку, на обложке которой чудовищная обезьяна отчаянно боролась с набросившейся на нее пантерой. Книжка была издана в 1945 году. Это меня поразило. В годы войны писать про обезьяну, пусть и такую страшную...

Герой, впрочем, мне понравился.

«Бабочки у него были: гигантские орнитоптеры, летающие в лесах Индонезии и Австралии, и крохотные моли. Орнитоптеры привлекали его величиной и благородной окраской, в которой черный бархат смешивался с золотом и изумрудами. Моли нравились ему по другой причине: расправить тончайшие крылья этих крошек было очень трудно...»

Так писать мог только человек, сам умеющий расправлять самые тончайшие крылышки.

«Он смотрел на большую стрекозу с бирюзовым брюшком, летающую кругами вокруг него. Стрекоза хватала на лету комаров. Иногда оторванное крылышко комара падало, кружась у самого лица Тинга, тогда он видел, как оно переливалось перламутром в колючем луче...»

Оторванное крылышко комара меня окончательно покорило.

Теперь, задним числом, я понимаю, что знакомство с повестью «Недостающее звено» кардинально изменило мои

взгляды на литературу. До знакомства с нею я считал, что книга развлекает, вводит в новую игру, а теперь увидел, что она еще и учит. Вообще думаю, что знакомство с Николаем Николаевичем стало одним из самых значительных событий моей жизни. Доктор биологических наук Плавильщиков был известным энтомологом, одним из крупнейших специалистов по дровосекам (в мировом масштабе). Разумеется, я имею в виду жуков-дровосеков. Монголия, Корея, Япония, Индия, Иран, Мадагаскар – трудно назвать место, откуда к Николаю Николаевичу не поступали бы экземпляры дровосеков. Он собрал уникальную коллекцию – почти 50 000 экземпляров. Столь же необозримой была работа Плавильщикова по популяризации научных знаний. «Очерки по истории зоологии» или, скажем, «Гомункулус», или «Краткая энтомология» до сих пор остаются настольными книгами любителей природы, а на великолепных переработках книг Ж. Фабра и А. Брэма выросло не одно поколение.

Так получается, что войти в литературу мне помог крупный ученый.

Почему-то Николая Николаевича заинтересовала судьба провинциального школьника. Он читал все мои первые рукописи, густо черкал их, указывая на несообразности, и не уставал, не уставал повторять: пиши не как В. Немцов, пиши не как В. Охотников, пиши не как Сапарин – они все и писать толком не умеют, и науки не знают. Пиши как Л. Платов, как Ефремов, а лучше всего – как Алексей Толстой!

«...Как я писал «Недостающее звено»? – (письмо от 4 апреля 1958 года).

Очень часто спрашивают – не у меня, а вообще: как вы работаете; просят: расскажите, как писали такую-то вещь... На эти вопросы нельзя ответить точно: всегда отвечающий будет ходить вокруг да около, и спрашивающий не услышит того, что ему хочется услышать.

И это понятно.

Возьмите какой-либо другой случай.

Вопрос: хорошего закройщика спрашивают: расскажите, как вы кроите? Он отвечает: а очень просто. Гляжу на заказчика, делаю несколько промеров, кладу на стол материал и... раз, раз ножницами! Спрашивающий проделывает в точности то же самое, и... портит материал. Секрет прост: опыт. Его словами не передать, а в творческой работе еще важны внутренние процессы, которых не знает сам творящий.

Так и со «Звеном».

Издательство привязалось: напишите что-нибудь фантастическое о предках человека. Просят сегодня, просят завтра. Мне надоело. «Ладно, говорю, напишу». И самому занятно: что выйдет? Немного времени уделить на этот эксперимент я мог, но как и о чем писать?

Питекантроп...

А как его – живого – свести с современным человеком?

И не ученым, это будет скучно. Вот и придумал своего

героя.

А почему его потянуло на питекантропа? Устраивается завязка: встреча с Дюбуа. Кошка на окне – просто так, для интригующего начала и ради причины переезда на новую квартиру.

Затем новая задача. Как устроить встречу Тинга с питеком?

Можно – лихорадочный бред, можно – во сне. Но это привяжет Тинга к постели, а мне нужно, чтобы он был в лесу... Цепь мыслей: бред больного... бред пьяного... бред отравленного...

Вот оно!

Пьяный, сами понимаете, невозможно, да он и не набегает много, а ткнется в куст и заснет. Отравленный – дело другое.

Чем отравить?

Всего занятнее – чего-то наелся в лесу.

Ну, я ищу – чем его отравить. И вы видите, получилось: отравка подходящая во всех смыслах. А дальше... Придумывается, что могли делать питеки, ищутся способы использования местной фауны тех времен, пейзажа и прочее. Выглядит это совсем просто, да так оно мне и казалось: основная работа шла в голове, даже без моего ведома. А потом готовое попадало на бумагу.

Конец, правда, пришлось переделывать: редакция потребовала более спокойного конца (у меня было так: Тинг оби-

делся на Дюбуа, переименовал название бабочки и т. д.) и пришлось писать ту мазню, что в конце последней страницы.

Как видите, нужно надумать основную сюжетную линию, а затем подобрать материал. Мне это было совсем нетрудно: я знаю, что примерно мне нужно, а главное — знаю, где это искать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.